

## **РАЗДЕЛ III. ВОСТОЧНЫЙ ВЕКТОР РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ**

**А. В. Власов**

### **РОЛЬ АСПЕКТОВ «МЯГКОЙ» И «ЖЕСТКОЙ» БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ И КИТАЯ В ПРОБЛЕМАТИКЕ ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА**

В 2013 году Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) празднует 12-тилетний рубеж со дня своего основания, и это событие не может остаться без внимания аналитиков и деятелей науки, так же, так и масштабные мероприятия юбилейного 2011 года. Действительно, десятилетний и двенадцатилетний рубежи позволяют сделать определенные выводы и прогнозы, однако не стоит забывать о глубинных, фундаментальных причинах того, почему все эти годы в ШОС можно было наблюдать ту или иную картину. Эти причины, по нашему мнению, могут быть рассмотрены через призму теории международных отношений, в частности, с помощью законов теорий безопасности и регионализма. Сегодняшние изменения в ШОС, такие, как распыление сфер деятельности и очевидный сдвиг в сторону экономики – не только реакция организации как системы на происходящее в мире, но и результат того, как и с какими национальными интересами и уровнем экономического сознания подошли к ее созданию Россия и Китай десятилетие назад. В настоящей статье мы поставили целью продемонстрировать, каким образом вопросы “мягкой” и “жесткой” безопасности России и КНР обусловили форму и содержание регионализма ШОС в период ее становления.

Можно однозначно сказать, что с распадом СССР, в начале 90-х годов прошлого века, закончилось формирование Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) с точки зрения политической карты. Новые нити взаимодействия в регионе протянулись в самых разных

направлениях. Для Российской Федерации одновременно началось сближение с Азиатско-Тихоокеанским экономическим сообществом (членом которого она стала в 1998 году) и с Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН); в Азиатском регионе в то же время между Россией, Казахстаном (как с крупнейшей державой Центральной Азии в ее широком понимании), Китаем (который в то время уже был членом АТЭС) и остальными центральноазиатскими странами, помимо уже вставшего на путь изоляции Туркменистана, также начали возникать точки сближения по ряду общих региональных вопросов. Сначала “Шанхайская пятерка” с 1995 года, а впоследствии ШОС положили начало не чему иному, как новому направлению интеграции в АТР.

Здесь целесообразно обозначить соотношение понятий *регионализации* и *интеграции*. Сама по себе региональная интеграция подразумевает под собой объединение, сплочение экономических, политических, военно-политических и общественных институтов какого-либо региона. Интеграцию можно понимать как конечный результат – объединенные сообщества, и как процесс его достижения. Регионализация – это процесс, в котором общность целей, идентичности, экономик региона формируется либо в ходе исторически сложившихся межнациональных отношений в регионе, либо “сверху”, то есть когда на уровне руководства сообществ создаются институты для интеграции (так называемый “жесткий регионализм”, более присущий “старому регионализму” [23, с. 213]). Таким образом, регионализация как объективный процесс неразрывно связана с различными формами интеграции, и приводит, в теории, в конечном счете, к тому, что интегрирующиеся сообщества образуют некое новое единое сообщество. Основы теории регионализма – это факт – были сформулированы на основе опыта европейской интеграции, поэтому при рассмотрении регионализма иных регионов стоит учитывать их исторически сложившиеся особенности [21]. Не стоит забывать, что понятие старого регионализма также связано с обстановкой периода Холодной войны; например, в эпоху гегемонии

США (если рассматривать современные международные отношения именно так), по мнению Мэри Фарелл, возникает “защитный регионализм”, который противостоит этой американской гегемонии [23, с. 214]. Как будет показано далее, такой смысл ШОС, как продукта “защитного регионализма” не беспочвенен, однако, как показала история, однобокое восприятие как теории, так и действительности приводит к неверным выводам – достаточно вспомнить прогнозы ряда отечественных авторов о создании “нового анти-НАТО” в лице ШОС [18].

Интеграционный процесс, отображением которого стала “Шанхайская пятерка”, стал беспрецедентным для постсоветского пространства, так как затронул не только государства Средней Азии, Казахстан и Россию как часть этого пространства, но и Китай. Круг вопросов, которым занималась “пятерка”, позволяет сделать вывод о том, что на ее основе создавался институт сотрудничества в политической сфере. Это сотрудничество было сугубо региональным и было посвящено, главным образом, пограничным проблемам. Как известно, многие исследователи региональной интеграции придерживаются идеи экономического детерминизма [11], которая ставит во главу любых интеграционных процессов в регионе экономическое сотрудничество. Рассмотрение феномена международных региональных организаций через призму такого подхода может навести на мысли о бесперспективности попыток начать интеграцию с политики. Если мыслить категориями функционализма, дальнейшее сотрудничество в политической сфере провоцируется именно успехами в экономической кооперации, а не наоборот [там же]. В этом свете появляется необходимость рассмотреть подробнее феномен интеграционных процессов в регионе ШОС и попытаться понять его особенности.

Не стоит забывать, что на постсоветском пространстве, в том числе при участии стран Центральной Азии, еще до становления “Шанхайской пятерки” образовался феномен Содружества Независимых Государств, основной целью которого, по сути, было

сохранение экономических связей республик бывшего СССР. Очевидно, что создателям СНГ представлялся еще и как инструмент коллективного перехода к рыночной экономике. Таким образом, сотрудничество России и стран Центральной Азии в сфере экономики все же имело место, причем стартовало задолго до появления “пятерки” или самой ШОС. Кроме того, предпосылки региональной экономической интеграции в самой Центральной Азии были заложены самой системой хозяйствования СССР, если исходить из того, что регион представляет собой “естественный принцип территориальной организации социальных, политических, экономических и культурных аспектов жизнедеятельности человеческих сообществ” [22] и характеризуется комплексностью промышленного, социально-экономического и экологического развития, а также особым характером развития социальной инфраструктуры, системы поселений и инфраструктуры производства, способной гипотетически удовлетворять потребности других регионов [11]. Эти, как пишет Межевич Н.М., характеристики внутреннего характера, “относящиеся к региону как части национального государства и экономике региона как части национальной экономики” [там же], вполне соответствовали реалиям советской системы хозяйствования доперестроечного периода, когда Узбекистан, Казахстан, Таджикистан и Киргизия являлись неотъемлемой ее частью. Распад этой системы, начавшийся в годы перестройки и завершившийся крахом Советского государства в 1991 году, поставил крест на советском этапе регионализма в Центральноазиатском регионе (ЦАР). Тем не менее, результат этого этапа всецело проявил себя впоследствии: создание Содружества независимых государств, осуществлявшееся как на практике, так и в юридическом плане в течение первой половины 90-х годов, во многом было обусловлено не до конца разрушенными экономическими, культурными и политико-правовыми связями между бывшими советскими республиками, на основе которых и строились новые отношения. Именно эта база позволила

впоследствии создать на основе СНГ такие институты, как ОДКБ и ЕврАзЭС. Кроме того, геополитическое положение Российской Федерации, её политико-территориальное деление, экономика и политический вес позволяют ей быть ключевым актором основных интегративных процессов постсоветского пространства и минимум приобщаться к интегративным процессам целого ряда регионов за его пределами. Поэтому утверждать, что в рамках зарождающегося регионализма вокруг Центральной Азии экономическая составляющая отсутствовала – нельзя, причем в это экономическое сотрудничество естественным образом вошли пограничные районы Китая. Само расположение региона на стыке евроазиатских транспортных коридоров было привлекательно для КНР, так как его широкая транспортно-коммуникационная сеть ( в том числе стартовавший в 1998 году в организованный Евросоюзом проект транспортного коридора Европа-Кавказ-Азия в обход России – ТРАСЕКА) позволяла через Иран выходить к Персидскому заливу, через Пакистан и Афганистан – к Индийскому океану [15]. Кроме того, уже тогда, в середине 90-х, Китай проявлял крайнюю заинтересованность в энергоресурсах региона, и его сотрудничество с центральноазиатскими странами отталкивалось от этого интереса далеко не в последнюю очередь [9]. Вспомним также, что в рамках стран ЦАР еще до создания ШОС была создана организация Центрально-Азиатское Сотрудничество (ЦАС), посвященная именно экономической интеграции и изначально позиционировавшаяся как институт центральноазиатского регионализма. Впоследствии эта организация органически слилась с ЕврАзЭС.

Причина, по которой было решено создать форум региональной безопасности, а не развивать институционально экономическое сотрудничество системы “Россия – Центральноазиатский регион – Китай” в рамках “пятерки” (впоследствии в ШОС) лежит, в том числе, в особенностях стран ЦАР как части постсоветского пространства в 90-е годы XX в.

Во-первых, институализация экономического сотрудничества в рамках того же ЕС показала, что переход к надправительственной структуре интеграции успешен при наличии солидного опыта экономической взаимозависимости региона [7]. Этот опыт стран Европы обуславливается столетиями экономического сотрудничества в русле капитализма, неоднократными попытками создать зоны свободной торговли, единую валюту и т.п. Россия и страны ЦАР имели исторический опыт экономического сотрудничества, но с независимостью республик СССР и курсом на рыночную экономику, полноценное становление которой не осуществлено до сих пор, этот опыт чуть было не был утерян. Далее, институализированная интеграция подразумевает сотрудничество между более-менее равными экономиками. Крайне низкие показатели национальных экономик стран ЦАР сами по себе нарушали то условие успешной интеграции, которое гласит, что в рамках региона должна наличествовать комплексность промышленного, социально-экономического и экологического развития, а между мощностями экономик не должно быть такой пропасти, которая наблюдалась в то время [11]. Кроме того, тесного экономического сотрудничества КНР и РФ никогда не было, что также делает бессмысленным в середине 90-х годов создание организации экономической интеграции на территориальном пространстве будущей ШОС.

Во-вторых, сама по себе институализация региональных интеграционных процессов, как правило, возникает на том этапе интеграции (если она проистекает “снизу”), когда между статус-кво и новым уровнем международного регионализма “стоят” национальные правительства [14]. В случае же со странами “Шанхайской шестерки”, очевидно, что интеграция получила толчок “сверху”, политическим решением стран-участниц, в результате крайней заинтересованности в сотрудничестве по ряду вопросов; в ином случае новообразованные страны ЦАР, с их молодыми национальными правительствами, представляли бы собой, как считают функционалисты, своего рода якорь, который бы всячески тормозил дальнейшую интеграцию,

особенно если бы существовала необходимость поступиться суверенитетом (а она неизбежно возникает как в ходе глобализации, так и в ходе регионализации) [там же]. Именно наличие общих проблем политического характера в регионе – необходимости делимитации и демаркации границ, борьбы с сепаратизмом, терроризмом, незаконным оборотом оружия и наркотиков стало тем самым сближающим фактором, который в итоге привел к созданию наднациональных образований – сначала “пятерки”, потом ШОС. Важно, что с 90-х годов XX в. и по сей день, Центральная Азия остается регионом-источником угроз безопасности, среди которых нелегальный наркотрафик, экстремизм, терроризм, сепаратизм, неконтролируемая миграция и общая политическая нестабильность. Гражданская война в соседнем Афганистане также была источником нестабильности; несмотря на свержение режима талибов и поддерживаемого им оплота международного терроризма сам Афганистан, скорее всего, не перестанет быть источником угрозы для Центральной Азии и стран региона ШОС в целом хотя бы по причине идущего оттуда наркотрафика опиатов и каннабиоидов. Здесь мы вплотную подходим к вопросу о роли безопасности (как теоретической категории) в регионализме вообще и применительно к феномену ШОС.

Безопасность как категория в жизни каждого суверенного государства занимает особое место. Это понятие уже неоднократно употреблялось как ключевое устремление не только стран, составляющих интерес для настоящего исследования, но и любой страны в принципе. Необходимо обратиться к этому понятию более подробно, дабы продемонстрировать, как понимание собственных интересов безопасности, в конечном счете, становится определяющим во внешней политике каждого государства и как оно проявляет себя в контексте проблематики Шанхайской организации сотрудничества. В узком смысле, безопасность традиционно определяется как “состояние защищенности личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз” [1]. Если мыслить шире, то, как

заметил отечественный политолог Дмитрий Данкин, “безопасность характеризует не только состояние, но и тенденции развития (в том числе латентные) и условия жизнедеятельности всех элементов социума” [5]. Таким образом, состояние безопасности каждого государства – гарант его благополучной жизнедеятельности; аспектов же безопасности масса. Известнейший теоретик международных отношений, Барри Бузан, в 70-е годы прошлого века выделил две основных группы вопросов, непосредственно влияющих на состояние государства – это аспекты “мягкой” и “жесткой” безопасности; это разделение стало неоспоримой классикой политической науки. Так, согласно идеям Бузана, под аспектами “жесткой” безопасности следует понимать те аспекты, обеспечение которых может быть достигнуто военно-силовыми методами и соответствующие традиционному пониманию безопасности в военно-политическом плане. “Мягкая” безопасность – более глубокое понятие, подразумевающее такие относительно новые для политической науки 70-х годов XX в. явления, как экономическая, энергетическая, духовно-культурная и другие безопасности, на которые влияет множество самых разнообразных факторов [19].

Очевидно, что во внешней политике каждое отдельно взятое государство руководствуется собственным балансом инструментов “мягкой” и “жесткой” безопасности, исходя из исторически сложившейся обстановки, текущих процессов в международных отношениях и в политике правящих кругов и т. д. (то есть исходя из структуры мировой политики по конструктивизму) – всего того, что формирует *идентичность* государства. Сейчас, благодаря усилиям неореалистической и конструктивистской школ мы, используя опыт этих различных методологически течений в теории международных отношений, можем утверждать: безопасность – это конечная цель каждого государства [26] (постулат неореализма), тогда как то, каким образом свою безопасность государство понимает и какими путями пытается ее обеспечить – зависит именно от его идентичности [27] (конструктивизм). Наличие общности идентичностей, по мнению



ряда теоретиков регионализма – к примеру, М. Фаррелл (и что подтверждается на практике ряда международных региональных организаций, например, АСЕАН или Лиги арабских государств) – одно из ключевых условий для успешной интеграции [23, с. 213]. Если обратиться к юридической базе ШОС, к такому фундаментальному документу, как Хартия Шанхайской организации сотрудничества, то мы обнаружим, что Статья 3 Хартии формирует программное поле для создания новой идентичности в Азиатско-Тихоокеанском регионе, – “идентичности ШОС”, которая проложит рельсы для дальнейшего развития регионализма, то, что стало называться впоследствии “ шанхайский дух”. Важно понять, действительно ли есть в реальности предпосылки для формирования этой идентичности, связанные уже конкретно с вопросами “мягкой” и “жесткой” безопасности ключевых игроков Шанхайской организации сотрудничества.

Как уже упоминалось ранее, с развалом СССР значение Центральной Азии в Азиатско-Тихоокеанском регионе резко возросло в геополитическом ( что отсылает нас к вопросам “ жесткой безопасности”) и геостратегическом плане (относится в большей степени к “мягкой безопасности”) [8]. География региона такова, что он собой связывает Средний Восток, Кавказ и Восточную Азию. Удобство контроля транзитных путей региона и “тыловых” районов Индии, России и Китая не могли не привлечь внимание как самих означенных держав, а также географических соседей – Пакистана, Турции и Ирана, но и Западного мира в лице США, Евросоюза и Японии. С точки зрения геоэкономики, залежи полезных ископаемых – золота, нефти, урана, газа нефти, газа и других богатств недр Земли при удобстве прокладки транспортных путей также превращают ЦАР в место, где пересекаются интересы ведущих мировых держав [4].

Важнейшим фактором формирования политической обстановки вокруг Центральной Азии, оказавшим влияние на формирование региональных политик России и КНР, стала слабая политическая самостоятельность стран региона. По мнению исследователя

Института Дальнего Востока РАН, Васильева Л.Е., это стало причиной ограниченности местного самоуправления республик ЦАР в период унитарной системы СССР, что не могло не сказаться при ее распаде. Экономика стран региона еще в советские годы приобрели сырьевой оттенок, что, в совокупности с нехваткой профессиональных кадров также не способствовало стабильной экономической ситуации в процессе обретения независимости. Создание самостоятельной армии, институтов власти, органов внутренних дел в момент политического и экономического кризиса в принципе было под угрозой [там же].

Анализ работ отечественных и зарубежных исследователей проблематики ЦАР позволил выделить ряд основных проблем, сформировавшихся в 90-е годы прошлого века и затронувший все страны Центральной Азии без исключения. Отметим, что позиции многих исследователей сходны; суммируя их выводы, можно разделить вышеупомянутые угрозы “мягкой” и “жесткой” безопасности по следующим основным группам:

1. Социально-экономические проблемы региона. Частичный выход из экономического кризиса для стран Центральной Азии колебался от 5 до 10 лет, у кого-то он еще далек до завершения и по сей день. По мнению экономиста Фридмана Л.А., “к началу 2001 г. в Казахстане, Киргизии и Туркменистане ВВП составлял 70–75%, в Таджикистане 40% докризисного минимума, в Узбекистане – 99% к 100% 1991 года” [16]. Все это говорит о том, что страны Центральной Азии испытали при распаде СССР чудовищный шок, который глубоко затронул все сферы жизнедеятельности общества и выразился в следующем:

- Спад производства.
- Большой внешний долг стран ЦАР.
- Дефицит госбюджета ряда стран.
- Мощная теневая экономика.
- Утрата энергетической и продовольственной независимости регионом.

- Не до конца осуществленный переход к рыночным механизмам.
- Спад уровня жизни общества стран ЦАР и его резкая поляризация.

- Бесконтрольная миграция населения.
- Наличие мест компактного проживания некоренных национальностей и их анклавов, то есть вытеснение некоренного населения, в т. ч. русскоязычного [4].

- Коррупция органов власти, рост преступности.
- Рост наркомании, деградация образования и культуры [16].

2. Военные и политические проблемы. Подобные социально-экономические проблемы вкупе с проблемами пограничного регулирования, проблемой оставшихся от СССР вооружений, проблемами терроризма и сепаратизма составляют серьезные угрозы стабильности не только в самом регионе ЦАР, но и вокруг него:

- Вопросы пограничного регулирования и урегулирования территориальных разногласий [14].

- Вопросы замещения идеологического вакуума после распада СССР [16].

- Национализм и сепаратизм этнических групп, которых в регионе великое множество.

- Проблема распределения трансграничных вод [6].

- Различие в направленностях внешней и внутренней политик между странами региона [4].

- Терроризм, религиозный экстремизм, преимущественно исламский [6].

- Нестабильность в Афганистане.

- Плачевное состояние вооруженных сил стран региона, их недостаточное финансирование.

- Трансграничная преступность, наличие незаконных вооруженных формирований.

- Обилие оставшихся после распада СССР вооружений, в том числе ядерных, которые могли бы попасть в преступные руки [17].

3. Иные угрозы. В эту группу следует отнести такие аспекты “мягкой” безопасности, как экологический, информационный и культурный. Экологические проблемы региона довольно масштабны, здесь можно упомянуть и высыхание Аральского моря (затрагивает Казахстан и Узбекистан), необходимость минимизации воздействия ГЭС и водохранилищ на окружающую среду в Кыргызстане и Таджикистане, нестабильность дамбы на Сарезском озере в Таджикистане, решение вопроса утилизации ядерных отходов и нейтрализации последствий ядерных испытаний, обеспечение рационального использования недр и водных ресурсов [3]. У стран региона в принципе нет опыта решения таких проблем, как и нет опыта решения проблем в сфере информационной безопасности. Не у всех стран региона есть собственные информационные инфраструктуры, отсутствует единое информационное поле региона Центральной Азии, существует опасность “информационной экспансии” извне. При этом, по убеждению Сулаймони Шохзоды, без решения проблем информационной составляющей жизнедеятельности стран ЦАР невозможно их полноценное вхождение в глобальные системы – информационную и хозяйственно-экономическую [16]. Упомянутый в социально-экономических проблемах идеологический вакуум также относится и к проблемам культуры как таковой. Население легко может поддаться влиянию как различных религиозных групп, резко активизировавшихся после распада СССР, так и стран Запада. Если в первом случае велика вероятность столкновений, или, как в случае с Таджикистаном – где этот фактор усугубил нестабильность – даже гражданской войны, то во втором – потерю собственной культурной идентичности.

Сам факт того, что страны Центральной Азии как поодиночке, так и даже сообща были не способны решить региональные проблемы в силу их масштаба, заставил их обратиться в сторону Запада (преимущественно в лице США), России и Китая – то есть многовекторная политика стала своего рода спасением для стран

региона. В свою очередь, вышеупомянутые угрозы напрямую затрагивали пограничные Россию и Китай, и подобный статус-кво в регионе означал формирование политики “зрелого государства”, когда для поддержания собственной безопасности благополучная держава обязана обеспечить безопасность нестабильных стран, в том числе с помощью международных институтов, как существующих, так и создаваемых для этой цели [20] (по мнению Роберта Келли, ШОС как раз создан для совместного предотвращения политическими элитами КНР и России угроз “мягкой” и “жесткой” безопасности, которые исходят от “слабых стран” Центральной Азии [23, с. 218]). Важно также понимать, что интерес к ЦАР Соединенных Штатов и их военное присутствие в регионе – также угроза безопасности, касающаяся “жестких” ее аспектов, только уже исключительно для России и КНР. Однако конкретно на практике для каждой из этих “зрелых” держав нейтрализация этих угроз служила разным интересам и означала разные методы обеспечения их удовлетворения.

Исходя из обстановки и набора угроз, возникших в Центральноазиатском регионе в постсоветский период, можно сделать вывод о том, какие факторы конкретно сформировали региональную политику Китая. Очевидно, что в момент обретения независимости стран ЦАР Китай поставил себе целью стать ключевым игроком в регионе [12]. Перед ним встали вполне конкретные задачи для достижения этой цели: нейтрализация угроз безопасности путем поддержания стабильности и климата доверия и сотрудничества между региональными державами; поддержка многостороннего сотрудничества по борьбе с наркотрафиком, сепаратизмом, экстремизмом и трансграничной преступностью; получение доступа к энергетическим и другим ресурсам региона; недопущение доминирования какой либо из держав в регионе, будь то Россия, США или кто-либо другой, наоборот, попытка всеми средствами добиться своего лидерства [4].

Этот набор задач всецело соответствует вопросам “мягкой” и “жесткой” безопасностей Китая. В первую очередь, вышеупомянутые

проблемы, связанные со слабостью режимов ЦАР, наличием сепаратистских, религиозно-экстремистских группировок на территории региона не могут волновать КНР по причине активизации сепаратистов Синьцзян-Уйгурского автономного района и Тибета, в свете чего Китай объективно нуждался в сотрудничестве в сфере традиционной безопасности, особенно в первую половину 90-х годов [10]. Во-вторых, Китай, избрав путь доминирования на мировой арене преимущественно через экономические методы, заинтересован в экономической экспансии в регион. Акцент на экономической сфере позволит выполнить сразу ряд задач: сотрудничая с ЦАР, взаимно развивать экономики друг друга, что позволит повысить лояльность центральноазиатских держав по отношению к себе и минимизировать тем самым влияние в регионе как России, так и США. Итак, здесь Китай может как обрести новый рынок сбыта и обеспечить себя энергоресурсами, транспортировка которых не будет подразумевать больших затрат на территорию Китая (однако сами по себе источники этих энергоресурсов достаточно удалены от промышленно развитых районов). Частично эти устремления Китая были отражены в его официальной “Стратегии освоения Запада” в 1997 году [там же].

В случае Российской Федерации ситуация возникла достаточно непростая. В первую половину 90-х стране угрожали внутренние отсутствие стабильности и сепаратизм, что касается внешних условий, то получалось, что Россия практически окружена с Востока и на Кавказе очагами нестабильности. Кроме того, складывается впечатление, что политическая элита при Б. Н. Ельцине не сразу обратила внимание на проблемы региона, будучи ориентированной больше на сотрудничество с Западом. В любом случае, что важность региона в новых постсоветских реалиях, далеко не радужных для России, была осознана руководством страны. Заключается эта важность в следующем: во-первых, в условиях потери влияния на Кавказе, в Восточной Европе, Украине ЦАР рассматривался и рассматривается как один из геополитических плацдармов, на котором возможно сохранение ключевой роли России; во-вторых,

Россия крайне заинтересована в сохранении ЦАР как одного из крупнейших рынков сбыта; в-третьих, тыловое положение региона делает крайне важным сотрудничество по борьбе с терроризмом и преступностью; в-четвертых, ЦАР создает значительные перспективы в сфере освоения полезных ископаемых; в-пятых, большое количество русскоязычного населения в регионе требуют тщательного внимания с целью недопущения его дискриминации.

Очевидно, что цели как России, как и Китая типичны, они отражают амбиции “зрелой” державы в конкретных исторических условиях. Однако Китай, согласно зародившейся еще в рамках “политики добрососедства” концепции “гармоничного мира”, несомненный приоритет отдает инструментам “мягкой” безопасности и “soft power” (как возможности влиять через привлекательность образа [24], авторитет процветающего соседа) вообще: экономическая гегемония как залог регионального авторитета – ключевая задача [13]. Для России же для решения проблем Центральной Азии предлагает традиционные решения и больше интересуется такими вызовами, как терроризм, сепаратизм, международная преступность, пограничное регулирование; кроме того, вполне логично желание приобрести Китай в качестве военного союзника [25]. Но нельзя сказать, что Россию не интересует экономическая интеграция, а Китай – антитеррористическое сотрудничество, дело в различных акцентах и самоидентификации. Проблема в том, что Россия не хочет видеть Китай в своих проектах экономической интеграции, работая по линии СНГ в этом направлении, а КНР, наоборот, чурается многостороннего сотрудничества в военно-политической сфере [28], чувствуя, что Россия может склонять ее к антиамериканской коалиции. Как считает А. Каукенов, тем самым Китай соблюдает принцип Дэна Сяопина “не вставать во главе объединений развивающихся стран, направленного против США” [10]. Но, несмотря на принципы, Китай сам ищет пути минимизации американского фактора, и здесь его позиция сходна с российской.

Здесь мы снова подходим к неизбежности образования ШОС с точки зрения уже консенсуса между “зрелыми” державами. Как видно из сказанного выше, в ином случае интересы означенных держав – России и Китая, не будь желания создать климат взаимного уважения, когда-нибудь непременно вступили бы в открытый конфликт, что из соображений выживаемости было просто недопустимо. Действительно, в перспективе можно отметить точки, в которых не исключены противоречия: во-первых, это столкновение интересов в освоении природных ресурсов региона и контроля над коммуникациями; во-вторых, конкуренция за симпатии политических элит стран региона; в-третьих, вопрос контроля за стратегически важными отраслями промышленности в ЦАР; в-четвертых, вопрос обеспечения поставок вооружений и контроля за ними в регионе; в-пятых, конкуренция в сфере образования и культуры, построения имиджа, контроль над интересами молодежи [4].

Важно понимать, что то, что между Россией и КНР нет открытых противоречий по вышеупомянутым вопросам в основном по причине наличия внешних факторов, которые в данном контексте выступают как объединяющие и связывают руки обеим державам – это, в первую очередь, уже упоминавшиеся США [12].

Очевидно, что институт “Шанхайской пятерки”, как первый шаг к тесному сотрудничеству, стал своего рода неизбежным компромиссом между амбициями России и Китая. В рамках ШОС была предпринята попытка создать институт, отвечающий интересам как одного, так и другого игрока – недаром Статья 3 Хартии ШОС представляет собой целый инструментарий “мягкой” и “жесткой” безопасности в регионе. Однако предусмотрительность Китая была в том, что он в целях притупить бдительность России и, наконец, создать в рамках ШОС инструмент реализации своих интересов, не стал сразу настаивать на экономической интеграции [13], из-за чего, как это становится видно сегодня, изначально ШОС больше удовлетворяла интересам России, поскольку не учитывала главный, экономический интерес КНР.



Можно сделать вывод, что, исторически, формат региональной международной организации, которой стала Шанхайская организация сотрудничества, явился предпочтительным решением для стран региона на пути реализации их интересов. В рамках организации были созданы предпосылки для развития нового регионализма в АТР, который бы объединил два вектора интеграции, которые стартовали в начале 90-х годов XX в.: Россия – Центральная Азия (в большей степени по направлению СНГ, позже – ЕврАзЭС) и Центральная Азия – КНР. В этом, собственно, и заключается уникальность ШОС – на сегодняшний день это единственное региональное образование, в котором нашлось место для диалога двух из крупнейших держав не только региона, но и мира. Само по себе создание сначала “Шанхайской пятерки”, а впоследствии ШОС стало компромиссным решением, реализующим политику “зрелых” держав, однако различие в восприятии, ни много ни мало, международных отношений и самоидентификации между Россией и КНР все же напрямую сказалось на происходящем в Шанхайской организации сотрудничества в 2001–2013 гг. Именно несовпадение инструментариев обеспечения “мягкой” и “жесткой” безопасности этих держав обусловило облик регионализма ШОС все это десятилетие. Сейчас трудно сказать, стоит ли ШОС на пороге перемен – многие исследователи уже отмечали декларативность устремлений этой организации. В любом случае, тенденции последних двух лет сегодня вполне вписываются в картину, которую мы нарисовали в настоящей статье.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Закон Российской Федерации “О безопасности” от 5 марта 1992 г. № 2446-1 (с изменениями и дополнениями от 25 декабря 1992 г. №4235-1; от 24 декабря 1993 г. №2288; от 25 июля 2002 г. №116-ФЗ; от 7 марта 2005 г. №15-ФЗ) – Официальный сайт службы внешней разведки Российской Федерации. // <[http://svr.gov.ru/svr\\_today/doc04.htm](http://svr.gov.ru/svr_today/doc04.htm)> от 12.02.2013

2. Коридор, рожденный для конкуренции. – Информационный портал РЖД-Партнер (07.11.2007) // <<http://www.rzd-partner.ru/interview/2008/11/07/333180.html>> от 12.02.2013
3. Экологические аспекты инвестиционной политики Евразийского банка развития в Центральной Азии. // <[http://www.eabr.org/media/img/rus/publications/AnalyticalReports/obzor\\_ECO.pdf](http://www.eabr.org/media/img/rus/publications/AnalyticalReports/obzor_ECO.pdf)> от 12.02.2013
4. **Васильев Л.Е.** Политика мировых держав в Центральной Азии и ее влияние на перспективы развития ШОС. // Мат-лы круглого стола по ШОС Института Дальнего Востока Российской Академии наук. // [http://www.ifes-ras.ru/attaches/conferences/2009\\_round\\_table\\_shoss/vasiliev.pdf](http://www.ifes-ras.ru/attaches/conferences/2009_round_table_shoss/vasiliev.pdf) от 12.02.2013
5. **Данкин Д.** Безопасность – предпосылка и результат развития политического доверия. // Безопасность Евразии. – январь-июнь 2000. – № 1. – С. 342-347.
6. **Двиведи Р.** Нетрадиционные угрозы безопасности в Центральной Азии. // <<http://www.analitika.org/article.php?story=20060908050610476>> от 12.02.2013
7. **Доморенок Е.** Концепции “старого” регионализма в контексте современной Европы. Белорусский журнал международного права и международных отношений. // <[http://www.evolutio.info/index.php?option=com\\_content&task=view&id=527&Itemid=53](http://www.evolutio.info/index.php?option=com_content&task=view&id=527&Itemid=53)> от 12.02.2013
8. **Зеленева, И.В.** Геополитика и геостратегия России: XVIII – первая пол. XIX в. / И.В. Зеленева; отв. ред. В.С. Ягья; Санкт-Петербургский гос. ун-т, фак-т международных отношений. СПб: Изд-во СПбГУ, 2005.
9. **Кабанова Т.** Казахстан, Китай и очень много нефти.... – портал Азия-информ (14.01.2009) // <<http://asia-a.ru/content/view/1347>> от 12.02.2013
10. **Каукенов А.С.** Политика Китая в Шанхайской организации сотрудничества. Аналитический раздел информационного портала “Время Востока” от 14.01.2009 // <<http://www.easttime.ru/analitic/3/8/560.html>> от 12.02.2013
11. **Межевич Н.М.** Основные направления региональной политики РФ. Современный регионализм: теоретическое содержание. <<http://www.dvo.sut.ru/libr/history/i299mez1/index.htm>> от 12.02.2013
12. **Парамонов В.** Геополитика и Центральная Азия. Электронный журнал “Полемика” Совета по международным исследованиям и обменам АЙРЕКС. Выпуск 5. // <<http://www.irex.ru/press/pub/polemika/05/par>> от 12.02.2013

13. **Серебрякова Н.В.** Центральназиатская политика КНР как региональная проекция «теории гармоничного мира». // Мат-лы круглого стола по ШОС Института Дальнего Востока Российской Академии наук. // <[http://www.ifes-ras.ru/attaches/conferences/2009round\\_table\\_shoss/serebryakova.pdf](http://www.ifes-ras.ru/attaches/conferences/2009round_table_shoss/serebryakova.pdf)> от 12.02.2013
14. **Толипов Ф.** Теория и практика региональной интеграции в Центральной Азии. // <<http://www.analitika.org/article.php?story=20050302061032204>> от 12.02.2013
15. **Шеръязданова К.** ШОС: проблемы и перспективы – сайт Аналитика.org (24.07.2007)//<<http://www.analitika.org/article.php?story=20070717033255654>> от 12.02.2013
16. **Шохзода С.** Современные проблемы региональной безопасности Центральной Азии. // <<http://centralasia.narod.ru/articles.htm>> от 12.02.2013
17. **Bailes A. J. K., Baranovsky V., Dunay P.** Regional security cooperation in the former Soviet area. Stockholm International Peace Research Institute's Yearbook 2007: Armaments, Disarmament and International Security Oxford University Press: Oxford, 2007.
18. **Butakov, Y.** The Shanghai Project. Will SCO become a Eurasian Anti-NATO? // <<http://www.china.org.cn/english/2006/december/170988.htm>> от 12.02.2013
19. **Buzan, B.** People, States and Fear: An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era. European Consortium for Political Research Press, 2008.
20. **Buzan B., Jones C., Little R.** The Logic of Anarchy: Neorealism to Structural Realism. New York: Columbia University Press, 1993
21. **Guraziu, R.** Is regionalism a stumbling block or a stepping stone in the process of globalisation? // Middlesex University School of Health and Social Sciences // <<http://www.atlantic-community.org/app/webroot/files/articlepdf/Regionalism%20-%20a%20stepping%20stone%20or%20a%20stumbling%20block%20in%20the%20process%20of%20globalisation.pdf>> от 12.02.2013
22. **Hurrell A.** Explaining the Resurgence of Regionalism in World Politics // Review of International Studies. October, 1995. Vol. 21, p. 333.
23. **Kelly R.E.** Security Theory in the “New Regionalism”. International Studies Review (2007) 9, Pp. 197-229.

24. **Nye J. S., Jr.** Soft Power. FUTURECASTS online magazine Vol. 6, No. 9, 9/1/04. // <<http://www.futurecasts.com/book%20review%206-4.htm>> от 12.12.2011
25. **Troitsky, M.A.** Russian perspective on the Shanghai Cooperation Organization // Shanghai Cooperation Organization. Stockholm International Peace Research Institute's materials. Sweden, CM Gruppen, Bromma, 2007. Pp. 92-102.
26. **Waltz, K. N.** Theory of International Politics. USA: McGraw-Hill, 1979.
27. **Wendt, A.** Anarchy is What States make of It: The Social Construction of Power Politics. International Organization, 46, №.2, 1992. Pp. 394-423.
- Yan Xuetong, Xv Jin. Pre-Qin Chinese Thoughts on Foreign Relations. Shanghai, Fudan University Press, 2008. P. 54.

**В. П. Тростинская**

**ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ДАЛЬНЕГО  
ВОСТОКА РОССИИ СО СТРАНАМИ  
АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА:  
СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Одной из приоритетных задач экономических преобразований, осуществляемых в России в последние годы, является включение национальной экономики в международное разделение труда, налаживание взаимовыгодных связей с зарубежными партнерами. Важнейшим вектором политического и экономического сотрудничества, потенциальной предпосылкой для усиления конкурентоспособности российской экономики является сотрудничество со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. Кардинальные сдвиги в экономиках и социальных структурах азиатских стран как следствие глобализации, быстрое включение региона в мировой научно-технический процесс, в мировое информационное пространство – все эти факторы говорят о том, что АТР обладает реальными возможностями превратиться в ближайшие десятилетия в одну из нескольких зон на карте нашей планеты, прогресс которых будет определять вектор развития мировой цивилизации.